

Н. И. РАКИТНИКОВ

<«...Общее убеждение всех этих диктаторов, это — в спасительности для России палки и только палки»>

Избранным оказался адмирал Александр Васильевич Колчак, незадолго перед тем вызванный с Дальнего Востока Директорией и назначенный ею военным министром. Колчак принял избрание, и в краткой речи объяснил, что главными задачами своими он считает формирование и снабжение армии, обеспечение в стране порядка и спокойствия и охрану свободного демократического строя. Диктатор, охраняющий свободу и демократию против социалистов-революционеров прежде всего, а затем против большевиков и немцев. Ибо переворот был направлен как раз против социалистов-революционеров. <...>

И при таком-то почти всеобщем отрицательном отношении восторжествовал все-таки Колчак и поддерживавшая его военная офицерская клика. Они одни действовали, не теряли времени, тогда как их противники ограничивались резолюциями и не имели достаточных военных сил, которые могли бы немедленно направить против Омска.

Какой же режим установился в Сибири при Колчаке? Создала ли диктатура ту твердую власть, которая представлялась Сибирскому правительству необходимой не только для борьбы с большевиками и эсерами, но и «для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественный порядок и спокойствие»? А ведь именно эта цель ставилась диктатуре.

Уже заранее можно было сказать, что надежда обуздать партизанские банды при помощи ставленника этих самых банд нелепа. Как Колчак мог призвать их к порядку и держать в узде, раз они, эти банды доставили ему власть, раз они своими «самоуправными действиями» продолжали ее укреплять и в конце концов составляли единственную его опору? Конечно, ни Колчак, ни его министерство не могли покарать тех заговорщиков, которые очистили ему место в Омске или которые

совершили набег на членов Учредительного собрания в Екатеринбурге. А оправдательные вердикты военного суда только поощряли к подобным же действиям.

Диктатура Колчака была лишь символом, прикрывавшим диктатуру множества уездных, губернских, областных и чрезвычайных маленьких диктаторов, глубоко проникнутых сознанием своей власти, раз только на их плечах блестят эполеты и под его командой находится несколько десятков или сотен человек. Другое не менее общее убеждение всех этих диктаторов, это — в спасительности для России палки и только палки. «Сим победиши» — и хозяйственную и транспортную разруху, и партийные разногласия, и столкновение противоположных интересов, и мужицкую недоверчивость. Палка в казарме, палка в уездах над крестьянами и в особенности палка над рабочими, которые все зачислены были в смутьянов и большевиков¹. Профессиональные союзы были закрыты, социалистическая пресса (и меньшевиков, и эсеров) задушена, вся политическая жизнь загнана в подполье. Крестьянские восстания, вспыхивавшие еще и до Колчака, при нем превратились в поистине бытовое явление, перекочевывали из уезда в уезд и вряд ли хоть один миновали. Да и как это могло быть иначе? Многочисленные партизаны предпочитали укреплять власть Верховного правителя в борьбе с мирным, в массе безоружным населением, чем на фронте.

